

УДК 81-13

ТРАНСФЕР ИДЕЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ***В.З. Демьянков***Институт языкознания РАН (Москва, Россия)**vdemiank@mail.ru*

Рассмотрение теорий и практик герменевтического анализа позволяет предположить, что основные свойства человеческой когниции обладают свойствами человеческой интерпретации. Выявляются основные идеи герменевтики, оказавшие влияние на развитие когнитивной лингвистики: развернутость во времени, гипотетичность всех этапов интерпретации текста, наличие обратной связи с деятельностью человека, социальность, направленность на получение окончательного результата, консолидация языкового знания с неязыковым.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, герменевтика, интерпретация, понимание.

Для цитирования: Демьянков В.З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 5-14.

DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-5-14

1. Введение

Герменевтика как один из интеллектуальных источников когнитивизма представляет собой одновременно [Oberauer 1997: 2]: 1) набор методов истолкования, 2) искусство человека в использовании этих методов, 3) деятельность человека, реализующую это искусство, 4) философию, или методологию понимания, 5) философию бытия «человека понимающего». Все эти направления чрезвычайно актуальны для развития когнитологии, в которой понятие «интерпретация» тоже играет важную роль [Болдырев 2014], а моделирование человеческого понимания относится к приоритетным задачам [Dem'jankov 1998]. Однако некоторые вопросы все еще ждут ответа [Shusterman 1996: 14-18]. Например, каковы «форматы» знаний, используемых при интерпретации? Те же, что при обычном восприятии (и тогда интерпретацию можно с полным правом назвать разновидностью когниции [Демьянков 1994]) – или все-таки иные, см. [Freundlieb 1983: 260]?

Не будучи абсолютным лидером среди направлений теоретической мысли, герменевтика выходит на передний план при каждом кризисе господствующей интеллектуальной парадигмы, см. [Мицкунас 1986: 237-238]¹. Устав от безнадежных попы-

ток самостоятельно постичь суть вещей, разум обращается к духовному прошлому человечества, к былым мнениям и отболовшим сомнениям, чтобы увидеть, сколько здравых мыслей было высказано и забыто. А потом оказывается, что не меньше ныне модных и актуальных идей обречено на забвение.

В современной форме герменевтика была возрождена в результате интеллектуального кризиса девятнадцатого века [Divver 1987: 54-55], вызванного сомнениями в традиционных ценностях европейской цивилизации [Pöggeler 1994: 12]. Но герменевтическая парадигма в когнитивных науках появилась в конце XX в., когда язык стал метафорически восприниматься как технические средства ориентации человека в мире, а размышление о языке по тому же переносу стало восприниматься как размышление о самом этом мире, в котором интерпретация лежит между абсолютно чуждым и абсолютно привычным [Force 1989: 9]. Герменевты осознают, что язык как средство ориентации не всегда поспевает за эмоциями. Читатель, стремясь преодолеть это расхождение, старается «вчувствоваться в автора» (*sich zu dem Verfasser hinauszuempfinden*) [Blumenberg 1966: 145], преодолевая сопротивление текста.

Попытаемся увидеть интересы когнитологии в указанных выше пяти направлениях герменевтики.

2. Методы истолкования: как понимать?

Систему правил и методов текстовой экзегезы, обобщающую традиции библейской, юри-

* Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

¹ Ср.: «Понимание» как метод социальных наук вскрывает «тревожные» тенденции и дает ученому «убежи-

ще» и «защитный механизм» в период кризиса науки, см. [Ионин 1979: 197].

дической, литературной интерпретации, даже толкования снов – от античности до сегодняшнего дня, – иногда называют *частной*, или *региональной герменевтикой* [Palmer 1982: 461-463]. Различаются [Lonergan 1990: 153]:

– методы **понимания**, основной из которых – «герменевтический круг», когда, поняв целое, переходят к пониманию частных, без нарушения целостного представления о смысле¹;

– методы **обоснования**, апеллирующие к *посреднику*, глазами которого пытаются увидеть предмет; скажем, понять суть проблемы, сопоставив наличные существующие точки зрения.

В отличие от «кода», т.е. системы общественных установлений, такая герменевтика, опираясь на имплицитные конвенции выражения, говорит, как выбирать «модус означивания», ср. [Guiraud 1973: 51]. Например, когда одно предложение в тексте перифразирует другое [Wenzel 1981: 386], герменевт выясняет, для чего нужна такая избыточность и что за ней таится. Одно из направлений частной герменевтики – классическая юридическая герменевтика – представляет собой методы (*манеры*, или *стили*) истолкования, различающиеся по акцентировке буквального значения закона в контексте других законов, исторической ситуации генезиса текста и намерений законодателя, а также по цели, стоящей перед законом [Hoffmann 1989: 10]. Даже если результаты противоречивы, правомерен один-единственный вердикт. Юридическая герменевтика лежит (в терминах Аристотеля) в сфере *phronesis*, а не *episteme*, *prudentia*, а не *scientia*, интерпретирует закон с учетом прецедентов. Вот ее главные допущения [Kriele 1981: 409-412]:

1. Истолковать текст закона – значит установить его истинное и/или напускное жизненное

¹ Герменевтический круг: 1) свойство не только герменевтической процедуры, человеческого понимания в целом [Aebli 1980: 195], [Reusser, Reusser-Weyeneth 1997: 17]; это проявление человеческой способности к рефлексии и следствие размытости, гибкости и полифункциональности языка [Köller 1988: 324]; по Витгенштейну, это свойство человеческого бытия, поскольку все наше интерпретативное знание привязано к знанию знаков; 2) правило, требующее, чтобы целое понималось на основе частей, а части – на основе целого. Это правило, заимствованное герменевтикой из античной риторики, задает предвосхищение смысла [Gadamer 1986: 57], корректируемое по ходу чтения дальнейших частей текста. Задача герменевта – расширять свое понимание, «ходя кругами по тексту». Если все детали согласованы с целым, значит понимание правильно; противное же свидетельствует о недостоверности выбранного способа понимания, ср. [Gadamer 1986: 57]. Поэтому иногда говорят о *герменевтической спирали* [Maddox 1983: 77].

содержание, приложимость к конкретному случаю. Опираясь на гипотетическую идеальную норму, правовец рассматривает реальные правовые нормы.

2. При таком реконструктивном истолковании закон должен охватывать даже беспрецедентные случаи.

3. Наиболее интересны разбирательства, исход которых неожиданно отличен от расхожего общего мнения (консенсуса).

4. Правомочное заключение – вердикт – создает судебные прецеденты, возлагающие обязанность дополнительного обоснования на тех, кто в будущем захочет уклониться от данного решения. Так правовые нормы корректируются.

В других направлениях, в герменевтической теории истории и в герменевтической политологии, исходят из того, что исследование развития культуры, пронизывающей всю человеческую жизнь, важно для настоящего и будущего человечества. Так мы обогащаем современный нам способ существования, расширяя спектр своих действий [Fløistad 1982: 11]. Такая теория рассматривает цепочку «способность к действию – возможности действия – ответственность за действия» предметно, в реальной динамике.

Все эти допущения несомненно связаны с когнитивными процедурами человека.

3. *Искусство гипотетического контекстного истолкования*

Объектами для приложения сил герменевтики как искусства, или «технологии» валидной интерпретации текста объявлялись в разное время Священное писание, личность (Шлейермахер), культурно-исторические ценности (Дильтей). В наше время это искусство используется для «опрашивания бытия» (Хайдеггер), для углубленного понимания литературного текста [Гайденко 1977: 148] и т.д.²

В поисках достоверного это искусство компрометирует достоверность, постоянно напоминая, что все наши знания гипотетичны; оно возвращает нас к старым заблуждениям и создает новые, позволяя получить от этого удовольствие,

² По [Abend 1985: 258], правильным является обоснование законности герменевтической процедуры на основании качества предмета (как у Дильтея): нельзя представлять «понимание» как простую деятельность духа (*Gemütsätigkeit*), абсолютно надежного, «объективного» понимания не бывает. Никакой метод не может априори гарантировать правильные выводы, можно только говорить об уместности метода и корректном его использовании.

но не попасть в полную зависимость от иллюзий, ср. [Soeffner 1982: 48].

В опоре на контекст, осознавая скрытый смысл даже при неполном взаимопонимании, с помощью этого искусства из текста извлекают даже то, чего в нем нет – в том числе, контекст действия [Alwart 1987: 110], иногда противоречащий самому тексту. Реконструкция смысла на фоне контекста – «реконструктивная герменевтика» – сочетается при этом с «аппликативной» [Marquard 1981: 53].

А именно, реконструктивная герменевтика устанавливает первичный контекст, т.е. вопросы (не всегда прямые), ответом на которые текст является. Наиболее общие герменевтические вопросы – «Что текст грядущий мне готовит?» и «Чего от текста ждать?». Герменевтические вопросы и ответы предопределяют друг друга, образуя герменевтический круг [Masson 1995: 240]: нам нужно нечто узнать из текста, но некоторых вещей мы знать не желаем, заранее ограничивая сферу узнаваемого. Герменевт «спрашивает» текст, а тот, в свою очередь, может задавать вопросы герменевту. Эта обратная связь [Togni 1995: 10] двух спрашивающих сторон обогащает анализ текста [Wierlacher 1987: 13]. Сближает герменевтику с функционализмом поиск такой постановки вопроса, в которой уже заложен путь к ответу [Schneider 1991: 11], при том, что интерпретатору приходится осознавать, чем его мир отличен от мира автора, едва угадываемого за строчками текста, ср. [Jauss 1993: 261-262].

Жанры текстов различаются существенностью фоновых вопросов. У исторической прозы вопросительность (и «ответность») максимальна, а у лирики минимальна [Jauss 1993: 261]: лирика существует не для ответа на вопросы, она безответна и безответственна. Начиная читать текст, мы обладаем только предчувствием горизонта, что-то нам частично открывающего; этот горизонт мы стремимся обследовать и расширить, однако сизифов этот труд бесконечен [Collot 1989: 252]: дойдя до вершины истолкования литературного произведения, интерпретатор опускает руки (вот она, безответственность – от отчаяния и усталости!) – и вся махина летит вниз [Fues 1995: 1].

Интерпретация литературного произведения не обязательно должна совпадать с авторской, к этому даже излишне стремиться: текст – только повод для пикника, на который автор приносит слова, а его читатели – значения слов¹. Этот

взгляд Н. Фрая противостоит традиционному положению, что следует стремиться к реконструкции авторской интерпретации. Первыми атаку на традиционный взгляд предприняли Т. Элиот [Eliot 1932], Э. Паунд и их соратники, которые сделали и следующий шаг: значение стихотворения – то, что означает оно для различных чутких читателей (*the meaning of the poem is what the poem means to different sensitive readers*) [Eliot 1959: 126]; хорошая поэзия внеположена личности автора, которому не следует путаться под ногами интерпретатора. Поэзия в идеале безлична, объективна и «автономна», только тогда она может жить независимо от автора (критику такого *автономизма* см. [Hirsch 1967: 1]). Если хочешь продолжать восхищаться стихотворением – ни в коем случае не знакомься с автором!

П. Валери как автор и сторонник «герменевтического нигилизма» считал, что его стихи имеют только тот смысл, который им приписывают («*Mes vers ont le sens qu'on leur prête*»), сами по себе они не содержат никакого определенного мнения или намерения что-либо сказать. Поэзия не стремится что-либо сообщить, и именно поэтому ее интересно интерпретировать [Buck 1981: 274]. Сегодня этот взгляд мирно уживается с концепцией семантической зависимости, противоположной автономии. История текста определяется как история его создания и интерпретаций [Oellers 1984: 125-126].

Имеем два реконструирующих герменевтических шага [Jauss 1977: 10-11]. На первом просто читают текст, испытывая удовольствие или неудовольствие оттого, что не все понятно, ощущая чуждость, *инаковость* (Andersheit) того времени, в которое этот текст создавался автором, рассчитывавшим на определенный горизонт ожиданий у своего потенциального читателя, ср. [Jauss 1990: 176]. В результате, выражаясь по-простому, по-гадамеровски, у читателя горизонт прошлого (обычно, но не обязательно) сливается с горизонтом настоящего. На втором же шаге от текста отчуждаются, осознав его альтернативность (Alterität) нашему миру или полную невнятность текста. Эстетическое удовольствие, испытанное

---

author brings the words and the reader the meanings. The remark may have been intended as a sneer at Boehme, but it is an exact description of all works of literary art without exception» (Northrop Frye). Однако далеко не всем представляется этот тезис справедливым. О том, что значит *лучше понять*, написано много, см. [Bollnow 1949]; прямолинейное предположение, что *лучше понять* – значит понять авторскую интенцию [Heringer 1977], далеко не бесспорно [Geissner 1982: 42].

¹ Ср. эпиграф к книге Хирша [Hirsch 1967]: «It has been said of Boehme that his books are like a picnic to which the

в начале, переосознается как «наивно-модернизирующее» предпонимание и компрометируется.

Аппликативная же герменевтика помещает толкуемый текст в искусственный, адаптируемый, «вторичный» контекст, включающий вопросы, ответы на которые текст в момент написания мог и не давать. Однако, по [Jauss 1990: 175], в тексте не бывает вопросов, ответ на которые не может быть вычислен герменевтом; тогда ответом на вопросы интерпретатора текст становится позже: он к ним *применяется* («аплицируется»).

Реинтерпретация, прочтение старого текста новыми глазами, выглядит, по [Abrams 1986: 437], так: опираясь на буквальное значение целого текста или отрывка, интерпретатор пытается «пристроить» новые «значения» в позиции старых терминов и переосмысляет старый текст.

Частным случаем герменевтической имплицитности является замалчивание или просто молчание вместо ожидаемой речи, ср.: «Все говоримое можно понять только на фоне того, о чем в данной речи умалчивается» [Schmitz 1990: 21]. *Красноречивое молчание*, подобно *новому платью короля*, существенно только относительно определенного контекста [Kunz 1996: 52]; «абсолютное молчание» (когда известный автор – Гёльдерлин или Ницше – вдруг в расцвете сил навсегда перестает творить) лежит за пределами собственно герменевтики.

Искусство интерпретации в герменевтике состоит, по [Johnson 1990: 18]:

- в предохранении от незаконных интерпретативных заключений,
- в выборе стратегий, которые могут привести к пониманию текста, и в установлении целей, которых можно добиться подручными средствами при изучении текста,
- в расширении контекста за счет привлечения дополнительных текстовых данных.

В «социологизирующем» направлении герменевтики техника интерпретации основана на установлении того, в каком порядке в тексте идут высказывания (*Sequenzanalyse*) [Soeffner 1982: 16-18]. Этот анализ выглядит как смена интерпретаций – структур реакции на текст – и состоит из этапов, или *интерактов*, т. е. взаимодействий автора и интерпретатора через посредство текста (как принято считать и в англосаксонской аналитической философии, и в континентальной герменевтике [Arndt, Janney 1987: 132]).

Итак, герменевтика как методы истолкования приучает нас к мысли о том, что когниция гипотетична и ей чужда самоуверенность.

4. Экзегеза: предпонимание и «правильное» понимание

Герменевтика как реализация искусства интерпретации опирается на процедуры, с помощью которых прослеживают ход мысли и мнений автора и только таким путем постигается (насколько это возможно) предмет речи. Эта реализация зависит от компетентности конкретного герменевта. Тексты в разной степени нуждаются в такой экзегезе [Lonergan 1990: 153], в результате которой имеем [Lonergan 1990: 155]:

– текст понимается: в частности, устанавливается «тематическая интерпретация», что в нашу эпоху бывает сделать сложнее, чем в классическую [Jameson 1987: 219],

– оценивается правильность этого понимания,

– устанавливается на будущее, какими могут быть симптомы «понятости».

Теологическая и юридическая экзегеза обладают практической направленностью, обслуживают судью и проповедника, получивших соответствующее образование [Gadamer 1986: 1] и обладающих навыком, умением и «особенной утонченностью духа» [Gadamer 1986: 312].

Деятельность лингвиста также опирается на элементы герменевтики: понятия «грамматичность», «неоднозначность», «синонимия», «парафраз», «пресуппозиция», «импликации» и т.п., помимо языковых знаний, связаны и с неязыковыми [Linell 1979: 27]; об истории грамматической интерпретации теологических текстов см. [Köller 1988: 311-312].

Герменевтические процедуры достигают своей цели, когда смысл жизненных ситуаций или текстов увязывается с обыденной коммуникацией [Pasternack 1979: 13]. Понимание как процедура «узнавания», противопоставляемая объяснению, предстает тогда как корректировка предпонимания.

Например, исследователь исходит из предпонимания своего предмета, пытаясь подобрать стратегии и перспективу рассмотрения. Скажем, предпонимание Библии предполагает и владение языком, и знание жизни и культуры библейских народов [Johnson 1990: 74]. Вслед за Шлейермахером полагают, что предпонимание больше, чем дальнейшие стадии понимания, соотносено с буквальным смыслом текста [Johnson 1990: 53]. Корректировка предпонимания состоит в подтверждении, углублении и/или опровержении, в частности, в изменении всей перспективы интерпретации; поэтому процедура выглядит как герменевтическая спираль [Jank, Meyer 1991: 115].

«Диалог» с историей приводит герменевта к уточнению вопроса, который ставится интерпретируемой речью и проясняет смысл туманного выражения. Предпонимание на основе «свидетельств» прошлого «деконструирует» субъективность [Stevens 1990: 25-27]:

– устраняется ложное осознание; особенно ярко – в психоаналитической процедуре и в хайдеггеровском вопросе об идентичности наличного бытия (Dasein);

– в тексте ищут не авторское намерение, а саму суть текста, «герменевтическую ось», мир, этим текстом открываемый;

– меняется внутренний мир интерпретатора.

Понимание нацелено на достижение консенсуса (не на подтверждение или опровержение гипотез на фоне эмпирических данных, а на увязку догадок) и потому зависит от реакции и проницательности собеседников. К критериям правильности интерпретации относятся наглядность и связность (когерентность, логическая состоятельность, несопротиворечивость) [Pasternack 1979: 13].

И здесь объяснение (со стороны нейтрального наблюдателя) противопоставляется пониманию (глазами заинтересованного участника общения)¹. Понимание же может быть не только ретроспективным, направленным на прошлое, но и проспективным, устремленным в будущее [Liszka 1989: 11].

Итак, когниция не является фабрикой по переработке речи, а обладает обратной связью с жизнью человека.

¹ В обыденном языке *understanding* «понимание» и *explanation* «объяснение», по [Wright 1971: 6], не разграничены четко. Практически про каждое объяснение можно сказать, что оно нацелено на понимание. Однако есть два различия. Во-первых, *понимание* психологично, что подчеркивалось в конце 19 в. – начале 20 в. антипозитивистами [Simmel 1892], [Simmel 1918], полагавшими, что *понимание* есть вчувствование (Einfühlung), эмпатия, т.е. мысленное воссоздание духовной атмосферы, мыслей и чувств того человека, которого мы хотим понять. Аргументы против такого приравнивания см. [Wright 1971: 30]. Иногда [Tønisson 1980: 547-548], впрочем, пытаются показать, что эмпатия не имеет отношения даже к пониманию языка. Во-вторых, понимание интенционально, поскольку связано со стремлением выявить значение [Wright 1981: 9]: мы понимаем цели действующего лица, значение знака или символа и т.п. не так же, как когда объясняем их. Справедлива притча старых преподавателей «Объяснил – и сам понял»: иногда достигают понимания, только объяснив кому-либо другому. В естественных науках виновники объясняемых событий не обладают намерениями [Wright 1981: 9], а потому эмпатия молекулам или вселенной там выглядела бы экзотично.

5. Смысл понимания: для чего нужно понимать?

Как философия понимания (подобная *философии истории* и *философии языка*) герменевтика разрабатывает методы целенаправленного установления значения текста [Lopez 1988: 1]. Задача такой «общей герменевтики» [Palmer 1982: 461-463] состоит в формировании универсальной методологии, основанной на связной концепции. Герменевтическая философия языка, в которой центральным является «понимание», противопоставлена – по акцентам – аналитической философии языка, центральное понятие которой – «значение» [Willaschek 1996: 171]. Но эти две разновидности философии языка соотносимы, ведь *понимать* – значит ухватить смысл.

Как «самопонимание человека в его историчности» герменевтическое понимание в его эпистемологической функции (Дильтей) и в психологии [Oberauer 1997: 2] противопоставляется объяснению в естественных науках [Groeben 1972: 248]. Институты, интерпретирующие текст (юристы, литературные критики, историки и т.п.), создают знания, по типу своему отличные от естественнонаучных [King 1988: 105].

По мнению Хирша [Hirsch 1976: 17], выступающего за такую «общую герменевтику» (не полностью совпадающую с одноименной дисциплиной Э. Бетти [Betti 1955: 1], но имеющей с нею много сходств [Nencioni 1983: 168]), интерпретативная модель методологии не является исключительно дескриптивной или нормативной. Важным разделом такой герменевтики являются филологическая и семиотическая герменевтика [Богин 1982: 26], герменевтика искусства², а также историографическая, юридическая и философская герменевтика. В этих направлениях временное измерение и контекст постоянно переформируют ускользающее настоящее время [Horper 1988: 133].

Выясняя цели понимания, отвечают на следующие вопросы [Müller 1987: 591]: Для чего нужно понять данный текст? Обычно это цели институций – религиозных, идеологических и т.п. Определяется ли значение текста осознанным намерением автора или интерпретатора – или их подсознанием и презумпциями? [Bühler 1995: 6]. Каковы критерии «истинности», или «правильности», интерпретации? Каковы стандарты оценки

² Герменевтическое искусствознание как восприятие творчества [Schmid 1995: 115] начинается с вопроса о том, что происходит с конкретными произведениями и для чего их создают; процедуры интерпретации предопределяются этим [Bätschmann 1988: 13].

интерпретируемого материала¹? Каковы материальные предпосылки для гипотетических интерпретаций данного текста?

Не без оснований такую герменевтику называют лингвистической [Hermanns 1987: 611-613]. Она используется для объяснения и для устранения недоразумений, в частности, при межкультурной коммуникации. Э. Косериу в конце жизни полагал, что лингвистика (особенно лингвистика текста) – это и есть герменевтика [Kabatek, Murguía 1997: 151]. Однако следует иметь в виду, что понимание предопределено еще и бытием человека, решающего, как следует понимать других людей, а потому соотносено и с онтологией, и с эпистемологией [Tschumi 1987: 42]. Где-то между лингвистикой и философской герменевтикой можно поместить интерпретативную теорию речевых актов, используемую для понимания коммуникативно сложного дискурса [Furberg 1982]. Эмпирические исследования в этой области «объективной герменевтики» смыкаются с разговорным анализом, т.е. с интерпретативным направлением в исследовании разговора социологическими методами [Schneider 1997: 165], когда правила рационального общения реконструируют как то, что приводит к реализации стратегий достижения взаимопонимания.

Итак, когниция не всеядна, потому что социальна и целенаправленна.

6. Герменевтика как раздел философии

Философское рассмотрение понимания и интерпретации во всех аспектах и проявлениях жизни включает [Palmer 1982: 461-463]:

– философию общественных наук, трактующую понятия «понимание» и «объяснение», «обыденный язык» и др.,

– исследование интерпретации текста в свете феноменологической традиции и в рамках критики «объективного знания» (Гадамер, Рикёр, Деррида).

Для философской герменевтики период 1966–76 гг. ознаменовался бурным внутренним развитием, когда она обогатилась идеями струк-

турализма, семиотики, лакановского психоанализа с его особенным интересом к языку [Palmer 1982: 453]. К концу XX в. интеллектуальные границы герменевтики расширились [Земляной 1983: 231]: ее жаргон, антисциентизм и культурологическая направленность созвучны интеллектуальному климату этой эпохи, см. [Гайденко 1984: 3]. Идеи овладели умами не только Европы, но и Нового света; слово «герменевтика», малознакомое американским исследователям в середине шестидесятых годов, утратило запах нафталина, указывая на переориентацию гуманитарных исследований в «эру интерпретации» [Bernstein 1989: 3].

Теперь о понимании говорят не иначе как об основной структуре человеческого бытия [Carrero 1986: 11-12], через призму которого рассматривают и общение людей, и научное объяснение. Эта философия «ограниченного рассудка» (*eine Philosophie der begrenzten Vernunft*) [Figal 1995: 3] не претендует на достижение истины, на бытие смотрит глазами обычного человека в различных жизненных ситуациях [Seiffert 1991: 57], а мир этого человека уподобляет тексту [Garz, Kraimer 1994: 7].

Герменевтический субъект видит в истории воспринимаемого духовного мира идеальный «универсальный диалог», без разрывов, без фундаментального непонимания и недоразумений [Fues 1995: 2]. По [Bultmann 1958-62], экзистенциальная интерпретация стремится совместить акт мысли с актом жизни [Forní 1985: 9], а каждое новое поколение, толкующее Библию, приводит к новому озарению, «откровению», см. [Hirsch 1967: vii], даже к «акту понимающей веры» (*Akt verstehenden Glaubens*) [Hübner 1995: 251].

Эти положения продолжают дильтеевскую концепцию культуры как историко-социального обобщения опыта единичного человека; в ней герменевтика является одновременно [Dupér 1985: 162-163]:

– метанаукой, дающей анализ основных понятий, входящих в акт истолкования,

– формой выражения исследователя культуры (т.е. искусством понимания и реализацией этого искусства),

– системой основных культурологических понятий, таких как *предпонимание*, *герменевтический круг*, *генерализация*, *проецирование на факты*.

Герменевтика находится на пересечении языка и не-языка, см. [Greimas, Courtés 1986: 107]. Связанная с запасами нашего опыта в мире, она истолковывает нашу интерпретацию мира [Ortiz-Osés 1986: 34]: критическое сознание, осознание не-

¹ Так, Священное писание, обладающее исключительным влиянием в нашей цивилизации в качестве объекта истолкования, предполагает иные установки и масштабы ответственности, чем многие другие объекты: герменевтика «первой волны» исходила из того, что в Священном писании следует искать истину в первой инстанции [Osier 1987: 320]. Часто стремятся установить не истинность мысли, а то, что именно ее автор имел в виду [Brandt 1993: 95]. В этом одновременно и слабость, и сила герменевтики.

осознанного в культуре, уразумение (*racionalización*) иррационального и сообщение непередаваемого. *Hermeneusis* – фигура и воображение понимания действительности, основанная на аксиологическом или оценочном схватывании (*comprensión*) и потому символизирующая наше существование: между нами и миром лежит интерпретация.

Итак, когниция консолидирует знание языка с внеязыковым знанием, позволяя расширить границы лично доступного мира.

7. Заключение

1. Герменевтика – один из источников идей когнитивной лингвистики – многие века занимается проблемами когниции в приложении к истолкованию текста. В наше время герменевтику можно считать и источником, и составной частью когнитивных наук.

2. Когнитивная деятельность, как учит нас герменевтика, связана с сопоставлением и отбраковкой интерпретаций. В рамках когнитивной лингвистики задача состоит в том, чтобы установить, как и в опоре на какие процедуры и «форматы» знаний это происходит.

3. Герменевтика значительно старше когнитивной лингвистики, поэтому выступает пока еще в роли донора идей, к которым относятся следующие:

- методы истолкования покоятся на допущениях об устройстве и возможностях когниции человека;

- герменевтика как методы истолкования приучает нас к мысли, что когниция гипотетична и ей чужда самоуверенность;

- когниция не является фабрикой по переработке речи, а обладает обратной связью с деятельностью человека;

- когниция не всеядна, потому что социальна и целенаправленна;

- когниция консолидирует знание языка с внеязыковым знанием, позволяя расширить границы доступного мира.

4. Для герменевтики полезными могут оказаться когнитивистские исследования (пере)категоризации и архитектуры когниции.

Список литературы

Богин Г.И. Филологическая герменевтика: учебное пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 20-28.

Гайденко П.П. Предисловие: Об истоках музыковедческого интереса к герменевтике // Герменевтика и музыкознание. М.: Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1984. С. 1-7.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

Земляной С.Н. Проблема «понимания» в герменевтике XIX в.: Ф. Шлейермахер и В. Дильтей // История философии и современность: Вып. 1. Материалы научной конференции философского факультета. М.: Изд-во Московского университета, 1976. С. 42-59.

Ионин Л.Г. Понимающая социология: Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.

Мицкунас А. Язык и современная герменевтическая философия // Язык. Наука. Философия: Логико-методологический и семиотический анализ. Вильнюс: Институт философии, социологии и права АН Литов. ССР, 1986. С. 217-239.

Abend B. Grundlagen einer Methodologie der Sprachbeschreibung: Kritische Untersuchungen zur Einheit von Linguistik und Literaturwissenschaft. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1985.

Abrams M.H. How to do things with texts. Repr. // Critical theory since 1965. Tallahassee: U. Presses of Florida, Florida State UP, 1986. P. 436-449.

Aebli H. Denken: Das Ordnen des Tuns. Bd. 1. Kognitive Aspekte der Handlungstheorie. Stuttgart: Klett, 1980.

Alwart H. Recht und Handlung: Die Rechtsphilosophie in ihrer Entwicklung vom Naturrechtsdenken und vom Positivismus zu einer analytischen Hermeneutik des Rechts. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1987.

Arndt H., Janney R.W. InterGrammar: Toward an integrative model of verbal, prosodic and kinesic choices in speech. Berlin etc: Mouton de Gruyter, 1987.

Bätschmann O. Einführung in die kunstgeschichtliche Hermeneutik: Die Auslegung von Bildern. 3., durchges. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988.

Bernstein R.J. Hermeneutics and its anxieties // Reading philosophy for the XXIst century. Lanham etc.: Council for research in values and philosophy, 1989. P. 3-17.

Betti E. Teoria generale della interpretazione. Tomo 1. Milano: Dott. A.Giuffrè, 1955.

Blumenberg H. Sprachsituation und immanente Poetik // Immanente Ästhetik, ästhetische Reflexion: Lyrik als Paradigma der Moderne. München: Fink, 1966. S. 145-155.

Bollnow O.F. Das Verstehen: Drei Aufsätze zur Theorie der Geisteswissenschaften. Mainz-Rhein: Kirchheim, 1949.

Brandt R. Nach welchen Kriterien beurteilen wir eine Interpretation als wahr oder falsch? // Wahrheit der Schrift – Wahrheit der Auslegung. Zürich: Theologischer Verlag, 1993. S. 68-97.

Buck G. Über einige Schwierigkeiten beim Versuch, den *Cimetière marin* zu interpretieren // Text und Applikation: Theologie, Jurisprudenz und Literaturwissenschaft im hermeneutischen Gespräch. München: Fink, 1981. S. 273-309.

Bühler P. Introduction // Quand interpréter c'est changer: Pragmatique et lectures de la parole. Neuchâtel; Genève: Labor et fides, 1995. P. 5-12.

Bultmann R. Glauben und Verstehen: Gesammelte Aufsätze. Bd. 1-3. Tübingen, 1958–1962.

Capurro R. Hermeneutik der Fachinformation. Freiburg; München: Alber, 1986.

Collot M. La poésie moderne et la structure d'horizon. Paris: Presses universitaires de France, 1989.

Dem'jankov V. Verstehen im Rahmen der menschlichen Hermeneutik und der Computerhermeneutik // L'homme machine? Anthropologie im Umbruch. Ein interdisziplinäres Symposium. Hildesheim etc.: Georg Olms Verlag, 1998. S. 149-164.

Divver A. Tracing hermeneutics // Tracing literary theory. Urbana; Chicago: University of Illinois, 1987. P. 54-79.

Dunér S. Hermeneutik // Bildanalys: Teorier, metoder, begrepp. Malmö: Gidlunds, 1985. S. 162-165.

Eliot T.S. Selected essays. N.Y., 1932.

Eliot T.S. On poetry and poets. London: Faber, 1959.

Figal G. Der Sinn des Verstehens: Zur Komplexität philosophischer Hermeneutik // Theologie als gegenwärtige Schriftauslegung. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1995. S. 3-15.

Fløistad G. Introduction // Contemporary philosophy: A new survey: Vol. 2. Philosophy of science. The Hague etc.: Nijhoff, 1982. P. 1-14.

Force P. Le problème herméneutique chez Pascal. Paris: Vrin, 1989.

Forni G. Studi di ermeneutica: Schleiermacher, Dilthey, Cassirer. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna (CLUEB), 1985.

Freundlieb D. Can meanings be objects of knowledge? // Poetics. 1983. Vol. 12. № 2/3. P. 259-275.

Fues W.M. Text als Intertext: Zur Moderne in der deutschen Literatur des 20. Jahrhunderts. Heidelberg: Winter, 1995.

Furberg M. Saying and meaning: A main theme in J.L. Austin's philosophy. Oxford: Blackwell, 1971.

Gadamer H.-G. Hermeneutik I: Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 5. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1986.

Garz D., Kraimer K. Die Welt als Text: Zum Projekt einer hermeneutisch-rekonstruktiven Sozialwissenschaft // Die Welt als Text: Theorie, Kritik und Praxis der objektiven Hermeneutik / Hg. v. Garz D., Kraimer K. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. S. 7-22.

Geissner H. Zur Hermeneutik des Gesprochenen // Sprechen – Hören – Verstehen: Tonträger und sprachliche Kommunikation. Wuppertal etc.: Henn, 1968. S. 13-30.

Greimas A.J., Courtés J. Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage: II (Compléments, débats, propositions). Paris: Hachette, 1986.

Groeben N. Literaturpsychologie: Literaturwissenschaft zwischen Hermeneutik und Empirie. Stuttgart etc.: Kohlhammer, 1972.

Guiraud P. La sémiologie. 2me éd-n mise à jour. Paris: Presses universitaires de France, 1973.

Herlinger J. Gesprächsanalyse // Gesprächsanalysen. Hamburg: Buske, 1977. S. 93-107.

Hermanns F. Begriffe partiellen Verstehens: Zugleich der Versuch einer Antwort auf die Frage nach der Relevanz einer linguistischen Hermeneutik für die interkulturelle Germanistik // Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik. München: Iudicium, 1987. S. 611-627.

Hirsch E.D.Jr. Validity in interpretation. New Haven; London: Yale University Press, 1967.

Hirsch E.D.Jr. The aims of interpretation. Chicago; London: University of Chicago, 1976.

Hoffmann L. Einleitung: Recht – Sprache – Diskurs // Rechtsdiskurse: Untersuchungen zur Kommunikation in Gerichtsverfahren. Tübingen: Narr, 1989. S. 9-38.

Hopper P.J. Emergent grammar and the a priori grammar postulate // Linguistics in context: Connecting observation and understanding. Norwood (New Jersey): Ablex, 1988. P. 117-134.

Hübner H. Biblische Theologie als Hermeneutik: Gesammelte Aufsätze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995.

Jank W., Meyer H. Didaktische Modelle. Frankfurt am Main: Cornelsen Scriptor, 1991.

Jauss H.R. Alterität und Modernität der mittelalterlichen Literatur: Gesammelte Aufsätze 1956–1976. München: Fink, 1977.

Jauss H.R. Das Buch Jona – Ein Paradigma der 'Hermeneutik der Fremde' // Hermeneutik der Fremde. München: Iudicium, 1990. S. 176-196.

Jauss H.R. Das Buch Jona – ein Paradigma der Hermeneutik der Fremde // Wahrheit der Schrift – Wahrheit der Auslegung. Zürich: Theologischer Verlag, 1993. S. 260-283.

Johnson E.E. Expository hermeneutics: An introduction. Grand Rapids (Michigan): Zondervan, 1990.

Kabatek J., Murguía A. "Die Sachen sagen, wie sie sind ...": Eugenio Coseriu im Gespräch. Tübingen: Narr, 1997.

King T. Text and object: Distinguishing them as interpretations // Semiotics 1987. Lanham etc.: University Press of America, 1988. P. 105-114.

Köller W. Philosophie der Grammatik: Vom Sinn grammatischen Wissens. Stuttgart: Metzler, 1988.

Kriele M. Besonderheiten juristischer Hermeneutik // Text und Applikation: Theologie, Jurisprudenz und Literaturwissenschaft im hermeneutischen Gespräch. München: Fink, 1981. S. 409-412.

Kunz C.E. Schweigen und Geist: Biblische und patristische Studien zu einer Spiritualität des Schweigens. Freiburg etc.: Herder, 1996.

Linell P. Psychological reality in phonology: A theoretical study. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.

Liszka J.J. The semiotic of myth: A critical study of the symbol. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1989.

Lonergan B.J.F. Method in theology. 2nd ed-n. Toronto: University of Toronto Press, 1990.

Lopez D.S.Jr. Introduction // Buddhist hermeneutics. Honolulu: University of Hawaii Press, 1988. P. 1-10.

Maddox R.I. Hermeneutic circle – vicious or victorious // Philosophy today. 1983. Vol. 27. № 1/4. P. 66-76.

Marquard O. Felix culpa? Bemerkungen zu einem Applikationsschicksal von Genesis 3 // Text und Applikation: Theologie, Jurisprudenz und Literaturwissenschaft im hermeneutischen Gespräch. München: Fink, 1981. S. 53-71.

Masson P. Anthropologische Dimensionen interkultureller Verstehensbemühungen // Philosophische Anthropologie der Moderne. Weinheim: Athenäum, 1995. S. 234-245.

Müller H.-H. Lichtvolle Erkennung der Verschiedenheit: Zur Konzeption einer interkulturellen Hermeneutik // Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik. München: Iudicium, 1987. S. 585-594.

Nencioni G. Tra grammatica e retorica: Da Dante a Pirandello. Torino: Einaudi, 1983. P. 161-175.

Oberauer K. Intentionalität und Reflexion: Bausteine zu einer hermeneutischen Kognitionswissenschaft. Münster: Aschendorff, 1997.

Oellers N. Edition // Einführung in die neuere deutsche Literaturwissenschaft: Ein Arbeitsbuch. 5., überarb. Aufl. Berlin: Schmidt, 1984. S. 123-144.

Ortiz-Osés A. La nueva filosofía hermenéutica: Hacia una razón axiológica posmoderna. Barcelona: Editorial del hombre Anthropos, 1986.

Osier J.P. L'herméneutique de Spinoza et de Hobbes // Studia spinoziana: Vol. 3. Central theme: Spinoza and Hobbes. Hannover: Walther & Walther, 1987. P. 319-347.

Palmer R.E. Hermeneutics. Evanston (IL): Northwestern University Press, 1967.

Pasternack G. Interpretation. München: Fink, 1979.

Pöggeler O. Schritte zu einer hermeneutischen Philosophie. Freiburg; München: Alber, 1994.

Reusser K., Reusser-Weyeneth M. Verstehen als psychologischer Prozess und als didaktische Aufgabe: Einführung und Überblick // Verstehen: Psychologischer Prozess und didaktische Aufgabe. Bern etc.: Huber, 1997. S. 9-35.

Schmid M.H. Hermeneutik und Philologie (I) // Hermeneutik im musikwissenschaftlichen Kontext. Salzburg: Laaber, 1995. S. 113-115.

Schmitz U. Beredtes Schweigen – Zur sprachlichen Fülle der Leere: Über Grenzen der Sprachwissenschaft // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie 42 (Juni 1990). Osnabrück, 1990. S. 5-58.

Schneider W.L. Objektives Verstehen: Rekonstruktion eines Paradigmas: Gadamer, Popper, Toulmin, Luhmann. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991.

Schneider W.L. Die Analyse von Struktursicherungsoperationen als Kooperationsfeld von Konversationsanalyse, objektiver Hermeneutik und Systemtheorie // Beobachtung verstehen, Verstehen beobachten: Perspektiven einer konstruktivistischen Hermeneutik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 164-227.

Seiffert H. Einführung in die Wissenschaftstheorie. Bd. 2. Geisteswissenschaftliche Methoden: Phänomenologie – Hermeneutik und historische Methode – Dialektik. 9. Aufl. München: Beck, 1991.

Shusterman R. Vor der Interpretation: Sprache und Erfahrung in Hermeneutik, Dekonstruktion und Pragmatismus. Wien: Passagen-Verlag, 1996.

Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie: Eine Erkenntnistheoretische Studie. 4. Aufl. München: Duncker & Humblot, 1922.

Simmel G. Vom Wesen des historischen Verstehens. Berlin: Mittler & Sohn, 1918.

Soeffner H.-G. Statt einer Einleitung: Prämissen einer sozialwissenschaftlichen Hermeneutik // Beiträge zu einer empirischen Sprachsoziologie. Tübingen: Narr, 1982. S. 9-48.

Stevens B. En guise d'introduction: L'évolution de la pensée de Ricoeur au fil de son explication avec Husserl // Paul Ricoeur: Temporalité et narrativité. Bruxelles: Ousia, 1990. P. 9-27.

Tônisson I.J. Some remarks about the connection between meaning and understanding // Sprache, Logik und Philosophie. Wien: Hölder – Pichler – Tempusky, 1980. S. 547-548.

Torno T. Finding time: Reading for temporality in Hölderlin and Heidegger. N.Y. et al.: Lang, 1995.

Tschumi R. A la recherche du sens. Lausanne: L'âge d'homme, 1987.

Wenzel A. Funktionen kommunikativer Paraphrasen: Am Beispiel von Gesprächen zwischen Bürgern und Beamten am Sozialamt // Dialogforschung. Düsseldorf: Schwann, 1981. S. 385-401.

Wierlacher A. Mit fremden Augen oder: Fremdheit als Ferment: Überlegungen zur Begründung einer interkulturellen Hermeneutik deutscher Literatur // Aspekte interkultureller Germanistik in nordischer Sicht. Kopenhagen; München: Fink, 1987. S. 11-32.

Willaschek M. Sprachphilosophie // Philosophie: Problemfelder und Disziplinen. Münster: Lit, 1996. S. 157-177.

Wright G.H.v. Explanation and understanding. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1971.

Wright G.H.v. Humanism and the humanities // Philosophy and grammar: Papers on the occasion of the Quincentennial of Uppsala University. Dordrecht etc.: Reidel, 1981. P. 1-16.

TRANSFER OF HERMENEUTIC IDEAS INTO COGNITIVE LINGUISTICS

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vdemiank@mail.ru

Hermeneutics may be viewed from several points of view, it is at the same time a set of interpretive methods, research of human skills of using these methods, human activities based on these skills, philosophy of understanding investigating the sense of interpretation as a whole, and philosophy of life of intelligent humans. Interpretive activity studied by hermeneutics may be looked at as a sort of human cognition. The hermeneutic research directions are relevant for development of cognitive sciences in which the notions of interpretation and understanding play an important role. This research also has a number of practical aspects having to do with modeling human understanding.

Many hermeneutic ideas have been borrowed and further developed in cognitive linguistics:

1. The methods of interpretation recorded in the long history of hermeneutics are a source of inspiration for artificial-intelligence systems. These hermeneutic methods of text interpretation base on implicit and explicit principles deserving further studies in the framework of cognitive linguistics.

2. Human cognition presumes that interpretation is always hypothetic. Hence the cognitive mechanisms include procedures of hypothesis verification.

3. Linguistic cognition is not just a machine for text interpretation, it has feedback to human activity.

4. Cognition is socially oriented, task oriented and intentional.

5. Cognition is the point where linguistic knowledge meets non-linguistic knowledge. Real processes of extending the boundaries of the human world are an object of cognitive studies.

Hermeneutics as an important intellectual source of cognitive linguistics is much older than modern cognitive sciences, but certain findings of cognitive linguistics may be useful for it, too, such as strategies of linguistic categorization, re-categorization and theories of architecture of mind.

Key words: cognitive linguistics, hermeneutics, interpretation, understanding.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 14-28-00130 "Linguistic Technologies in Interaction of Humanities" at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Demyankov, V. Z. (2018). Transfer of hermeneutic ideas into cognitive linguistics // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-14. (In Russ.).